

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5 (119)

1980

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД,
ИЗДАЕТСЯ С 1958 г.

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОТЕКА В. А. ЖУКОВСКОГО В ТОМСКЕ.
Ч. I. ТОМСК, 1978

Книга, о которой пойдет речь, — коллективный труд группы научных работников кафедры русской и зарубежной литературы Томского гос. университета, осуществленный под руководством Ф. З. Кануновой. Авторский коллектив выносит на суд читателя некоторые из результатов своего многолетнего и многотрудного изучения личной библиотеки одного из крупнейших русских поэтов. Библиотека имеет весьма сложную историю, а ее выявленный на сегодня состав содержит без малого 4000 книг. Из них 3080 обнаружены и находятся в составе библиотеки ТГУ, 600 хранятся отдельным фондом в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде.

Библиотека В. А. Жуковского свидетельствует о необыкновенной широте, планомерности и творческой активности читательских интересов ее владельца, охватывающих едва ли не все сферы современной ему гуманитарной культуры. Большую научную ценность для изучения не только творчества самого Жуковского, но и литературного процесса его времени имеют многочисленные и ранее неизвестные пометы поэта на страницах, форзацах, обложках прочитанных им книг. Этот рукописный материал содержит множество замечаний, развернутых суждений поэта о прочитанном, набросанные тут же переводы, а также заметки собственных творческих и читательских планов. Публикация маргиналий сопровождается их тщательным историко-литературным анализом, исследовательским сопоставлением с эпистолярными, дневниковыми высказываниями Жуковского, в значительной части извлеченными также из его рукописей, хранящихся в разных архивах, и с рядом опубликованных и неопубликованных произведений и начинаний поэта.

Большинство принадлежавших Жуковскому книг — французские, немецкие, английские, а обнаруженные на них пометы часто сделаны на языке прочитанной книги. Это потребовало при исследовании перевода не только отмеченных поэтом строк, но и сделанных им помет. Особо следует указать на редкую для коллективных монографий продуманность задач и последовательность методологии исследования, вплоть до подачи материала — текст отмеченных Жуковским строк воспроизводится полностью, рассмотрены маргиналии поэта сопровождается содержательной историко-литературной характеристикой прочитанного им сочинения. Сообразно материалу и задачам исследования три его раздела komponуются по проблемно-тематическому принципу, т. е. по характеру представленных в каждом разделе книг, а тем самым и читательских интересов Жуковского.

Авторам монографии удалось проникнуть в творческую лабораторию поэта, проследить процесс зарождения многих его замыслов и их теснейшую связь с актуальными проблемами современной ему общественной и литературной мысли. В результате явственно вырисовываются черты нового для нас, часто неожиданного творческого облика Жуковского — поэта, переводчика, издателя, историка и пропагандиста русской литературы, гуманиста умеренно-просветительского толка, озабоченного судьбами России, ее национальной культуры и усовершенствованием русского литературного языка. Вместе с тем проясняются и многие важнейшие, но до сих пор неучтенные истоки литературно-эстетических, философских и общественных воззрений поэта, а через это и генетические корни возглавленного им течения русского романтизма.

Во Введении (В. В. Лобанов) охарактеризованы история и состав библиотеки Жуковского, сформулированы основные проблемы и принципы ее изучения, которым полностью отвечают все десять глав исследования. Правда, их названия в значительной мере условны, так как, характеризуя рассматриваемый в каждой главе материал, они никак не отражают его проблематику. То же следует сказать и о первых двух разделах книги «В. А. Жуковский и русская литература» и «В. А. Жуковский и западноевропейская литература».

Название же третьего раздела — «Вопросы мировоззрения В. А. Жуковского» — в сущности характеризует проблематику всего исследования и могло быть вынесено в его заглавие, потому что рассматриваемый в книге материал по-новому освещает, а в ряде случаев и впервые выявляет различные аспекты мировоззрения поэта. Так, из глав «Книги по истории и теории русской словесности в библиотеке В. А. Жуковского» и «Жуковский и Ломоносов» (А. С. Янушкевич), а также главы «В. А. Жуковский — читатель и критик А. С. Шишкова» (Ф. З. Канунова и А. С. Янушкевич) становится очевидным первостепенное значение для творческой позиции поэта его теоретических и историко-литературных изысканий. Примером этого может служить одно из замечаний Жуковского по поводу «похвальных» од и «Похвального слова Императрице Елисавете Петровне» Ломоносова — «Хвала состоит не в восхищении, а в требовании дел хороших». В сопоставлении с посланием Жуковского «Императору Александру» (1814) это высказывание выявляет просветительскую традицию, которой следовали Карамзин в одах, посвященных «восшествию на престол» Алек-

сандра I, и Пушкин в своих обращениях к Николаю I «Стансах».

Критические же замечания Жуковского на первом издании (1803) «Рассуждения о старом и новом слоге...» А. С. Шишкова дают авторам главы все основания назвать их «молчаливым» и едва ли не первым «спором» Жуковского с Шишковым, спором, во многом предвосхищающим позицию карамзинистов, сложившуюся окончательно ко времени возникновения «Арзамаса». Суть позиции самого Жуковского состояла в защите «нового слога» как необходимого орудия освоения русской литературой сообразно ее национальным потребностям «интернациональных» идей западноевропейского Просвещения.

Главу «Жуковский — читатель и переводчик Гердера» (Н. Б. Реморова) по праву можно назвать хотя и частным, но тем не менее капитальным вкладом в освещение проблемы «Гердер и русская литература». Запечатленный многочисленными маргиналиями на 33-томном Собрании сочинений Гердера (изд. 1805—1810) активный интерес Жуковского к великому немецкому просветителю по-новому раскрывает то значение, которое имела в творчестве самого Жуковского и в эстетике русского романтизма проблема народности и ее гердерянский аспект, заставляющий видеть в фольклоре наиболее чистое и полное выражение духовной субстанции народа, его национального характера.

Из публикуемых маргиналий поэта подлинным открытием является его перевод 17-ти первых глав поэмы Гердера «Сид». Перевод датируется 1820-м годом и содержит, вместе с вариантами, свыше 1000 стихотворных строк. Сличение этого перевода с «Сидом» Жуковского (1831) говорит о существенной эволюции воззрений поэта на художественные ценности инациональных культур, о его возрастающем с годами внимании к их фольклорной основе и национальной специфике. Однако, как показано в исследовании, «Сид» Жуковского не является переводом поэмы Гердера, а наряду с пересказом некоторых ее фрагментов представляет собой контаминацию различных мотивов испанских преданий («романсов») о Сиде.

Специальная глава (О. Б. Лебедева) посвящена незаключенному переводу Жуковского драмы популярного в свое время немецкого романтика Вернера «Двадцать четвертое февраля». Перевод обнаружен на отдельном издании этой драмы (1815) и датируется началом 1830-х годов, в частности на том основании, что он отмечен печатью пессимистических настроений, охвативших Жуковского в эти годы. В главе дан содержательный очерк драматургических опытов и замыслов Жуковского, что привлекает внимание читателей и исследователей к этой еще мало изученной области творческой биографии поэта.

Последний раздел книги по праву можно назвать, конечно, не исчерпывающим, но первым серьезным исследованием мировоззрения Жуковского, идейно-философской структуры и эволюции его литературно-общественной позиции.

Для понимания исторической природы философских взглядов Жуковского первостепенный интерес представляет историко-литературная интерпретация Ф. З. Кануновой маргиналий поэта на широко известном в свое время труде швейцарского просветителя и естество-

испытателя Шарля Бонне «Созерцания природы». Прослеженная в главе деятельность Карамзина — приверженца, переводчика и популяризатора Бонне — и аналогичная деятельность Жуковского позволяют понять логику и актуальность для своего времени мыслей и суждений поэта, запечатленных на страницах «Созерцаний природы».

Вместе с тем здесь выявляется генезис и одной из основополагающих философских тенденций поэтического мышления Жуковского — сенсуалистской, что вплотную подводит к вопросу о философии русского сентиментализма и предромантизма, их общих и продолженных русским романтизмом просветительских устремлений. Маргиналии же Жуковского на страницах трактата Кондильяка «Об ощущениях» являются своеобразным конспектом этого крупнейшего памятника французского сенсуализма и, как показывает их анализ, развивают, углубляют и уточняют многие его положения.

Глава «Русская история в чтениях и исследованиях В. А. Жуковского» (Ф. З. Канунова) несколько неожиданна, поскольку в литературе о Жуковском вопрос о его исторических воззрениях и тем более, изысканиях специально не ставился за недостаточностью необходимых данных. Однако изучение библиотеки Жуковского позволило не только поставить, но и осветить этот вопрос как одну из существенных сторон мировоззрения и творчества поэта. Проанализированный материал убеждает в постоянном, творческом интересе Жуковского к истории, как русской (преимущественно древней), так и мировой, и свидетельствует об эрудированности поэта в современной ему историографии, которая представлена в его библиотеке трудами Августа Шлецера, Иоганна Миллера, Герена, Эверса, Ломоносова, Карамзина, Устрялова, Берха и др.

Маргиналии Жуковского на ряде из этих трудов, равно как и его эпистолярные высказывания, неопровержимо говорят о том, что в истории и ее философии поэт искал ответа на важнейшие общественно-политические вопросы современности. Задолго до Белинского и Гоголя он полагал, что «история из всех наук самая важная». О самостоятельности же исторических изысканий поэта свидетельствуют его пометы на ряде изданий русских летописей. Установленная в главе связь этих помет с творческими устремлениями Жуковского выявляет идейную направленность и принципиальность его опытов в жанре национальной поэмы из эпохи Киевской Руси, а также значение этого жанра для формирования русского романтизма.

В заключающей исследование главе «Круг чтения В. А. Жуковского 1820-х — 1830-х годов как отражение его общественной позиции» (А. С. Янушкевич) рассматривается различная общественно-политическая литература — русская и иностранная — из библиотеки Жуковского (политическая экономия, статистика, государственное право, политическая «педагогика», история политических учений). На основании этих материалов общественная позиция Жуковского вырисовывается куда более сложной, чем это представлялось раньше, в частности обнаруживается полная несостоятельность до сих пор еще не изжитого суждения о «сервильизме» поэта. Становится очевидной просветительская, восходящая к Вольтеру и Гельве-

цию, природа тех идеалов, которыми он руководствовался, стремясь воспитать для России «просвещенного» государя. Немало нового и ценного сказано в главе и об эволюции общественно-политических воззрений Жуковского, о его неуклонно возрастающей оппозиции правительственной политике в годы последекабрьской реакции.

При всей несомненной научной ценности коллективный труд томичей не лишен и некоторых недостатков, преимущественно формального характера. Так, например, система ссылок не унифицирована; не во всех случаях дан перевод иноязычных заглавий, а в заключитель-

ной главе — и приводимых текстов; в той же главе, в отличие от других, маргиналии даны без соответствующего им текста. Желательно, чтобы в последующих томах исследования подобные недочеты не повторялись.

«Библиотека В. А. Жуковского в Томске» помимо первостепенного значения этого труда для дальнейшего изучения творчества Жуковского и русского романтизма содержит также богатый материал для уяснения генезиса некоторых существующих тенденций и завоеваний русского классического реализма. Поэтому следует пожелать томичам успешного завершения их коллективного труда.

Е. Н. КУПРЕЯНОВА (Ленинград)

В. Н. ЛУКИН. П. Л. ЛАВРОВ КАК ЭСТЕТИК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК. ИЗД-ВО САРАТОВСКОГО УН-ТА, 1979

Наследие П. Л. Лаврова, «ветерана революционной теории»¹, — интересная страница в истории освободительного движения и передовой общественной мысли России. Но если социология, философия, этика и революционная деятельность П. Л. Лаврова изучены достаточно полно, то работы, в которых раскрывается оригинальность его эстетических взглядов, стали появляться лишь в последние годы. В рецензируемой книге обобщаются наблюдения, сделанные В. Н. Лукиным в предыдущих работах, посвященных анализу эстетических взглядов П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, П. Н. Ткачева.

Основная задача — систематизированное изложение эстетики П. Л. Лаврова — определила круг проблем и структуру монографии. От анализа общественно-политических и философских принципов эстетики (глава 1) автор логично переходит к изложению основных категорий, определяющих эстетическую концепцию народника (сущность эстетического, его формы и виды — глава 2; специфика и задачи искусства — глава 3). Выводы, сделанные в этих главах, позволяют теоретически и методологически обосновать характеристику П. Л. Лавровым основных этапов эстетической художественной мысли (эпоха Просвещения, романтизм, реализм) и его отношение к конкретным явлениям развития литературного процесса в России и Западной Европе.

Такой принцип изложения материала придает монографии цельность и концептуальность. Правда, глава о целях и задачах литературной критики была бы, на наш взгляд, более уместна перед главами о романтизме и реализме, а не между ними.

Автор исследует сильные и слабые стороны народнической идеологии, руководствуясь ленинским положением о том, что марксисты «вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямоточностью одной неумной птицы, а выделяют из него и признают своими его революционные, его общедемократические элементы»². Учитывая специфику эстетики как элемента народнической идеологии, В. Н. Лукин исходит из того, что теория искусства П. Л. Лаврова, органически связанная с традициями революционно-демократической эстетики 60-х годов XIX в., явилась обобщением прогрессивных тенденций развития русской и европейской художественной культуры.

Перед автором стояло немало сложных проблем, так как эстетика П. Л. Лаврова — явление весьма противоречивое. Разрабатывая ее в русле демократических и материалистических традиций, народник на разных этапах своей деятельности не избежал крайностей узкоэстетического (50-е — начало 60-х годов) и утилитарно-социологического подходов к искусству (70—80-е годы), что объясняется не только объективными трудностями процесса формирования материалистической эстетики, но и позитивистскими отступлениями критика от цельного философского материализма.

Но В. Н. Лукину удалось с позиций историзма оценить эстетику П. Л. Лаврова, выделить ее исторически прогрессивные элементы. Так, например, убедительно аргументируется вывод, что П. Л. Лавров с материалистических позиций развивает теорию происхождения эстетической способности человека. Особенно интересны разделы, в которых анализируется трактовка критиком категории прекрасного, его учение об эстетическом в художественном идеале.

Однако следовало бы более четко подчеркнуть, что П. Л. Лавров, опираясь на эстетическую теорию Чернышевского, на учение Белинского о пафосе, обращается вплотную к таким вопросам, которые до него в демократической эстетике разрабатывались мало: процесс художественного отражения, структура эстетического идеала, прогресс искусства. Несмотря на известную непоследовательность в решении этих проблем, их постановка и попытка материалистического истолкования являются заслугой идеолога народничества.

Одной из наиболее удачных в книге является глава «П. Л. Лавров, о предмете, специфике и задачах искусства», где показано, что П. Л. Лавров, развивая теорию образно-эстетической специфики искусства, видел, вслед за Белинским, основную задачу искусства в создании художественно выразительных, типических образов. Для него эстетическая правда есть отраженная средствами искусства правда жизни. Не только в теории, но и в оценке отдельных произведений критик-народник всегда обращал внимание на образность и выразительность художественных деталей.

Интерес к проблемам художественной формы постояен в теоретических и литературно-критических статьях П. Л. Лаврова. Вышую